

Ножкина Ирина Александровна, Шалаева Светлана Станиславовна

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОСТОЯНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1920-1930-Х ГОДОВ

В статье анализируется в контексте представлений современной историографии как в советской стране на волне революционных преобразований всех сфер жизни периода 1920-1930-х гг. происходили процессы деинтеллектуализации исторической науки и превращения ее в идеологический инструмент правящего режима. Задача современной исторической науки состоит не в критике революции, а в понимании ее смысла и причинной обусловленности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 139-143. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Экстер А. О конструктивной одежде [Электронный ресурс] // Ателье. 1923. Вып. 1. URL: <http://www.russiskusstvo.ru/news/a1112> (дата обращения: 12.03.2014).
6. Эфрос А. Камерный театр и его художники. М.: ВТО, 1934. 211 с.
7. Federico L. F. Il futurismo e la moda. Garavaglia: Excelsior 1881, 2009. 262 p.
8. Grandi S., Vaccari A. Vestire il Ventennio. Moda e cultura artistica in Italia tra le due guerre. Bologna: Bologna University Press, 2004. 257 p.

FROM ABSTRACTION TO IDEALIZATION: THE ITALIAN FUTURISM AND THE RUSSIAN CONSTRUCTIVISM IN COSTUME DESIGN OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Nesterova Mariya Aleksandrovna, Ph. D. in Art Criticism
St. Petersburg State University of Film and Television
Nesterova_m@inbox.ru

The article is devoted to the comparative analysis of the approaches of the representatives of the Italian futurism and the Russian avant-garde in the sphere of costume design of the first third of the XX century. Main attention is paid to the conceptions of tuta (combination of shirt and trousers with 4 pockets, 7 buttons on front stripe and simple collar) and working clothes, which were designed under the influence of different value systems, socio-cultural purposes and material and technical facilities. The author considers Thayaht's clothes projects that considerably influenced the European fashion development but haven't been sufficiently studied in the art criticism of our country.

Key words and phrases: fashion of the 1920s; costume design; the Italian futurism; the Russian constructivism; tuta (combination of shirt and trousers with 4 pockets, 7 buttons on front stripe and simple collar); working clothes; Ernesto Thayaht.

УДК 93

Исторические науки и археология

В статье анализируется в контексте представлений современной историографии как в советской стране на волне революционных преобразований всех сфер жизни периода 1920-1930-х гг. происходили процессы деинтеллектуализации исторической науки и превращения ее в идеологический инструмент правящего режима. Задача современной исторической науки состоит не в критике революции, а в понимании ее смысла и причинной обусловленности.

Ключевые слова и фразы: историография; историописание; революция; идеология; тоталитарный режим; марксистский подход; великодержавность и патриотизм; управленческий прагматизм.

Ножкина Ирина Александровна, к. соц. н., доцент
Шалаева Светлана Станиславовна, к.и.н., доцент
Саратовский государственный аграрный университет им. Н. И. Вавилова
nirina2007@mail.ru; clar13@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОСТОЯНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1920-1930-Х ГОДОВ[©]

В современной отечественной историографии период советской истории, начало которому было положено свершившейся Октябрьской революцией 1917 г., не вырывается из общеисторического пути развития России. Обращаясь к переосмыслению реалий советского времени, современные историки пытаются понять, что происходило в стране в результате революционных перемен, почему выбор социалистического пути развития в стране к концу XX века оказался нецелесообразным. В контексте изучения данной проблематики в отечественной историографии складываются более объективные представления о событиях Октября 1917 года, которые, по мнению современных исследователей, наряду с разрушением, имели и созидательные начала [7, с. 46, 48]. Ныне признается, что в ходе революционных перемен в стране реализовывались не утопические идеи, а вполне практические задачи форсированного перевода страны преимущественно традиционной на уровень современной для тех лет модернизации. В данном контексте революционный разрыв с прошлым, в котором эволюционные изменения осуществлялись в замедленном темпе, не являлся чем-то исключительным в общемировом масштабе. Борьба за социальный прогресс универсальна. Любые революции – это защитные реакции на бездействие высших властей. Революционный переход к новому жизнеустройству нельзя оценивать как авантюру. В масштабах России это было осознанным «забеганием вперед», основанным на использовании высвободившейся энергии народа. Это был новый революционный тип модернизации [2, с. 37]. Самодержавный политический режим подтачивали многие политические силы. Но им не хватало активного волевого начала, поэтому на смену в революционный процесс включились уже во второй половине XIX в. не романтики, а люди прагматического типа. Большевицкая партия с момента своего создания представляла

властный эмбрион, породивший новую государственность в будущем. Советская история не прервала, а логически продолжила линию развития отечественной цивилизации, ведущей начало от Московского царства и Российской империи. В связи с этим в событиях 1917 года историкам видится путь, не лишенный целесообразности [11, с. 114]. Поэтому ныне задача историков состоит не в критике революции, а в понимании ее смысла и причинной обусловленности. В утверждение нового государственного порядка большевики не привнесли ничего нового, восстановление порядка осуществлялось традиционным для любой формы государственности путем обращения, как к силе убеждений [13, с. 210], так и убеждению силой, только в условиях революционного перехода силовые формы давления имели доминирующее значение. И в этом отношении большевистские лидеры оказались иной породы: обеспечивали выживание страны, форсированные темпы ее развития, не считаясь с людскими, энергетическими и материальными издержками [14, с. 36]. Они заставили все образованное сообщество подчиниться логике своей идеологии. Изменения политического курса, безусловно, затрагивали все сферы жизни, в том числе пространство исторической науки.

В послереволюционный период в числе задач, требующих быстрого разрешения, оставался процесс восстановления управляемости всеми сферами жизнедеятельности общества. Во вновь формируемой системе высших органов власти, институтах обеспечения народнохозяйственного управления, органах защиты революции не хватало специалистов, способных обеспечивать их эффективную деятельность. Условий для формирования специалистов из состава трудящихся еще не было, поэтому большевистское руководство проявляло прагматизм по отношению к специалистам с дореволюционным прошлым. Стремясь усилить поддержку своему режиму в среде интеллигенции СНК 29 октября 1917 г. обратился с воззванием «К интеллигенции России», в котором призывал ее участвовать в социалистическом строительстве, в изменении существующих порядков. В данном контексте сохранялось достаточно устойчивое положение ученых-историков старой школы. Многие ученые продолжали свою творческую работу, передавали опыт исследовательской деятельности и знания новому поколению специалистов. Сотрудничество с советской властью давало средства к существованию, хотя в условиях Гражданской войны это не спасало многих от лишений. Так, в 1919 г. умерло 12 членов Академии наук, среди которых были историки А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, востоковеды В. В. Радлов, Б. А. Тураев, филолог и историк А. А. Шахматов, историк искусств Я. И. Смирнов.

Привлечение старых специалистов не избавляло их от проявления недоверия к их деятельности. Большевистское руководство более жестко использовало охранительные меры по защите формируемого нового режима. Всеми средствами информации тех лет в общественное сознание упорно внедрялась идея о необходимости проявлять бдительность по отношению к непролетарскому населению. Важным звеном в политической системе советской власти являлась созданная в декабре 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, переименованная в 1922 г. в Главное политическое управление (ГПУ). Эти структурные звенья новой власти следили за настроениями всех слоев общества, выявляли инакомыслящих, отправляли их в тюрьмы и концлагеря. В стране также предпринимались меры по развитию системы негласного контроля для выявления граждан, недовольных существующими порядками.

Невозможность существования в новых условиях толкнула значительную часть интеллигенции выбрать путь эмиграции. Многие маститые ученые, которые по происхождению и воззрениям плохо вписывались в формирующийся режим, осенью 1922 г. были высланы из России. В их числе были известные историки П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, В. А. Маклаков и др. Исход из страны большого количества подготовленных специалистов не остановил работу научных учреждений. Советской властью создавались новые структуры для пополнения отряда историков, которым предстояло развивать исторические знания в русле марксизма, ставшего в новых условиях доминирующим мировоззренческим учением.

В 1918 г. руководством страны были определены основные направления деятельности Академии наук. В этом же году была основана Социалистическая (Коммунистическая академия), в 1921 г. организован Институт Красной профессуры, помогающие войти в большую науку молодому поколению из рабоче-крестьянской среды. В 1924 году был учрежден Институт В. И. Ленина (позднее Институт Маркса-Энгельса-Ленина), в задачи которого входило обеспечивать подготовку к публикации работ классиков марксизма-ленинизма.

Важную роль в утверждении марксистского подхода в историописании играл М. Н. Покровский, который, являясь представителем старой школы историков, еще в дореволюционную эпоху перешел на марксистские позиции [1, с. 78]. По его инициативе при Академии наук был создан институт общественных наук (РАНИОН), к деятельности которого привлекались старые специалисты. Знаковыми фигурами в эти годы в среде историков были Е. М. Ярославский, Е. В. Тарле, Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина, М. Н. Тихомиров, И. И. Минц. Формированию нового исследовательского направления способствовали В. П. Волгин, Н. М. Дружинин, Ю. В. Бромлей, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин, Л. В. Черепнин и др. На первых порах марксистская и дореволюционная историография мирно сосуществовали. Продолжающееся присутствие немарксистской науки было выгодно, так как содействовало укреплению аналитических возможностей историописания с позиций марксистского учения. С завершением гражданской войны и переходом к нэпу, в условиях либерализации общественной жизни заметно повысилась активность интеллигенции. Проводились публичные диспуты по различным вопросам обществоведческой направленности. Оживилась деятельность ранее созданных научных обществ (философских, исторических). Возникали новые общественные объединения – научные, творческие, культурно-просветительные. Советские граждане имели возможность выезжать за границу, страну посещали иностранцы [3, с. 32, 33]. В стране издавались множество научных журналов, литературные альманахи и сборники, учебная литература. Не запрещалось использование философских трудов дореволюционного времени.

Однако переход к рыночным условиям существования усиливал социальные контрасты, идейную разобщенность. Руководителей страны стало все более настораживать, что стихия нэпа, проникновение в социальный мир буржуазности, могут привести к утрате советской власти. С усложнением международной обстановки пребывание страны в состоянии противоречивого развития становилось особенно опасным, поэтому вновь актуализировалась потребность в укреплении режима централизации всего строя жизни в стране, идеологического единomyслия.

В такой обстановке с конца 1920-х годов усилился очередной виток проявления недоверия к работе старых специалистов, в том числе историков с дореволюционным прошлым. С позиции неприятия буржуазной историографии выступали М. Н. Покровский, С. А. Пионтовский, М. В. Нечкина. Сомнению подвергалась научная ценность трудов С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, в которых историческое развитие страны рассматривалось только в духе русской державности. Негативно оценивалось творчество М. К. Любавского, В. В. Бартольда за апологетику русской колониальной политики царского правительства [8, с. 145-148]. В рамках «Академического дела» жертвами стали ленинградские историки С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, московские историки Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин и др., обвиненные в антисоветской деятельности. Более четкую линию понимания новых задач исторического развития надлежало вырабатывать историкам-марксистам. Процесс разработки марксистского подхода к познанию прошлого проходил в привычной для прошлых лет обстановке полемических споров между М. Н. Покровским и Е. М. Ярославским и их последователями. Между тем сохраняющиеся разногласия между представителями этих школ дезорганизовывали «исторический фронт», мешали работе исторических журналов. Урегулированию ситуации способствовало вмешательство И. В. Сталина. В 1931 г. он обратился с письмом в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором стремление подтолкнуть вперед науку имело наименьшее значение, зато отстаивались взгляды, которые должны были донести до сознания историков, что является наиболее важным и одобряемым руководством страны в историческом познании прошлого [16, с. 151]. В письме не устанавливались новые правила, но осуждались архивные исследования, само обращение историков к документам для подтверждения исторических фактов. Такой подход исключал значимость обеспечения достоверности исторических представлений, важнее становилась политическая целесообразность обращения к опыту прошлого. После обращения И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» одним из объектов разгромной критики стал Е. М. Ярославский. Острой критике подверглась, вышедшая под его редакцией четырехтомная «История партии». Обвинялись в искажении истории и авторы этого издания – И. Минц, С. Пионтовский, Н. Рубинштейн и др. Труды Е. М. Ярославского перестали издаваться. В 1930 г. была исключена из партии А. М. Панкратова, возглавлявшая редакцию журнала «Вопросы истории». Из Москвы она была направлена в Саратов, где большую роль сыграла в создании исторической школы местного университета.

Вместе с тем в обстановке реального приближения войны руководством страны был сделан очередной поворот. Потребностям нового текущего момента стала более соответствовать переориентация общественного сознания на позитивное восприятие идей великодержавности и патриотизма, роли русского народа в консолидации страны. Историки обязывались вновь заняться русской историей.

В 1934-1936 гг. вышедший в свет ряд партийно-правительственных постановлений по вопросам преподавания гражданской истории привел к реабилитации дореволюционной истории в пространстве советской исторической науки, к отказу от нигилистического отношения к прошлому России. В новой ситуации к активной творческой деятельности было возвращено немалое число профессионалов-историков. В 1934 г. была реабилитирована А. М. Панкратова, продолжившая свою исследовательскую деятельность в Москве. Вернулись из ссылки видные историки С. В. Бахрушин, А. А. Андреев и др. В стране стали издаваться труды В. О. Ключевского, Ю. В. Готье, С. Ф. Платонова и других историков. Не дожидаясь реабилитации репрессированный по академическому делу историк с дореволюционным прошлым М. К. Любавский, он в 1936 г. скончался.

К взаимодействию традиционализма и модерна руководство страны подходило с позиций прагматизма, важными агентами модернизации исторической науки теперь становились силы, способные выстроить безальтернативную схему отечественной истории великодержавно-патриотического образца. Это не только укрепляло идентификацию советского общества со своим героическим прошлым, но и способствовало легитимизации режима сталинского единовластия.

Укреплению авторитаризма власти способствовала дальнейшая эскалация насильственного подавления идейных противников. После выступления И. В. Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 г., на котором подчеркивалась значимость усиления классовой борьбы по мере построения социализма, началась критическая кампания против М. Н. Покровского и его последователей. Ученого обвиняли за схематизм и отвлеченную социологизацию его исторических трудов. Фактором благонадежности человека становилось соответствие его жизненной позиции линии правящей партии, отступление от которой становилось опасным. Страна все более погружалась в атмосферу страха, формирующую всеобщий психологический настрой к укреплению подозрительности, взаимного недоверия. По мнению современных ученых, в условиях социальной нестабильности, международной напряженности, сталинский тезис об обострении классовой борьбы не был лишен смысла [5, с. 195]. Однако в контексте осмысления учеными проблематики репрессивной практики этих лет неприятие вызывает ее беспредельная жестокость, бессмысленная трата национальной энергии даже с экономической точки зрения в системе ГУЛАГа. В этот период происходила аннигиляция культуры, стремление к упрощению разрешения многих проблем вело к возобладаанию антиинтеллектуального начала. ГУЛАГ – итог господства массового человека, неприемлющего всего индивидуального [4, с. 137, 138].

Стремление властей обеспечивать беспрекословное подчинение, все контролировать существовало в невиданных доселе масштабах. Во многих отношениях это был трагический поворот жизни, но не с точки зрения И. В. Сталина или его последователей, разделявших его мировоззрение, власть и привилегии. Это устрашало и обрекало на смерть не только представителей старой интеллигенции, но и самих большевиков, отстаивавших новые нормы жизни [16, с. 155].

Независимое мышление в исторической области стало вообще невозможным после выхода в свет в 1938 году под сталинской редакцией книги «История ВКП(б). Краткий курс», определявшей эталон того, как следовало мыслить и творить в области исследования истории. Теперь любое сталинское высказывание воспринималось истиной в последней инстанции, что в течение последующих двух десятилетий имело определяющее значение в работе историков. Апелляция к объективности истории становилась ненужной. В истории требовалось искать то, что служило оправданию текущей политической практики. Такой подход усиливал конъюнктурность исторических трудов, предопределял идеализацию отдельных исторических событий, деяний исторических личностей.

Победа сталинского направления во внутрипартийной борьбе, достигнутая в предвоенные годы оказывала определяющее воздействие на работу советских историков. В русле сталинской концепции истории формировались новые представления о прошлом. В этот период особенно актуализировались исследования в области военной истории. В стране увеличилось количество публикаций о войне 1812 г. Критической оценке подвергалась концепция М. Н. Покровского, возлагавшего всю ответственность за начало военных действий тех лет на Россию. Замалчивалась ленинская характеристика коронованных особ этого времени как разбойников. Включился в процесс более углубленного исследования этой темы Е. В. Тарле, книга которого «Наполеон» получила на новом этапе популярность, но подвергалась критике, и только заступничество И. В. Сталина защитило ученого от неизбежности очередного ареста [15, с. 97-98].

Большое значение в сталинский период стало придаваться прославлению образов Петра I, М. И. Кутузова, приумножавших славу России. Укреплению патриотизма способствовало обращение и к другим знаковым в исторической памяти народа героям – А. Невскому, К. Минину и Д. Пожарскому. Осмысление событий прошлого происходило в контексте их сопоставления с модернизационными достижениями сталинского времени.

С середины 1930-х годов в историографии этого периода стал усиленно идеализироваться образ Ивана Грозного. Положительно оценивалась его личность в контексте его политики централизации государства, объединения России в учебнике С. В. Бахрушина. В атмосфере тех лет витали идеи оправдания сталинских «чисток» 1930-х годов через параллель с опричниной, которая воспринималась в качестве справедливой реакции царя на измену бояр. В этом ракурсе взглядов возросло значение трудов Р. Ю. Виппера, в которых этот царь представлялся выдающимся строителем Российского государства, выступал прямым предшественником Великого Петра [12, с. 173]. Влияние идеологии на формирование исторических знаний в этот период было особенно активным. Однако формирование представлений о величии государей царского времени способствовало не только возвышению личности И. В. Сталина, пропаганда героических деяний предков укрепляла дух народа, чувство гордости за свое историческое прошлое [9, с. 182].

В современной историографии подчеркивается, что в условиях, когда историки выступали активными бойцами идеологического фронта, создавать труды, не подвластные его воздействию, было невозможно. Ученые, если не все, то очень многие, понимали, почему приходилось предавать забвению научные принципы [6, с. 123]. Следует отметить, что в официальном политическом пространстве страны нигде и никогда не приветствовались призывы к уничтожению существующего строя. Цензура существовала и в царское время, не исчезла она и в советский период, только еще более укрепилась. В сталинский период историкам было невозможно высказывать свое видение, свое восприятие исторических событий без оглядки на текущую действительность. От политической опалы был никто не застрахован. Современные историки осознают, что ныне в стремлении понять реалии сталинского времени невозможно не вступать в конфликт между рациональным осознанием событий тех лет и оценкой их с позиций этики. Предлагается к анализу ментальности эпохи, соотношению традиции и модерна подходить не с точки зрения их конфронтации, а с позиции управленческого прагматизма. Но такая позиция не безупречна, так как оставляет без оценки вопрос о цене модернизационных перемен в свете этики. И хотя баланс между позитивными и негативными сторонами этого исторического этапа обеспечить пока не удастся [10, с. 15], критическое переосмысление этой эпохи вне ее реального контекста не обеспечит расширение горизонта ее научного видения.

Список литературы

1. **Артизов А. Н.** М. Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 1. С. 78-80.
2. **Волобуев П. В., Булдаков В. П.** Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 28-38.
3. **Голубев А. В.** «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32-35.
4. **Голубков М. М.** Русский национальный характер в эпосе А. Солженицына // Отечественная история. 2002. № 1. С. 137-140.
5. **Кара-Мурза С. Г.** Русская революция в свете современного кризиса // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 195-198.
6. **Козлов В. П.** Разговор двух историков (Е. Н. Кушева – Б. А. Романов. Переписка 1940-1957 гг.) // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 121-125.
7. **Колбановский В. В.** Как нам быть с Великой Октябрьской революцией? // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 40-50.

8. Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20 – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 145-148.
9. Кулешова Н. Ю. «Большой день». Грядущая война в литературе 1930-х гг. // Отечественная история. 2002. № 1. С. 182-183.
10. Павлова И. В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 15-19.
11. Пастухов В. Б. Государство раскольников. Карма российской власти // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 105-117.
12. Тюменцев И. О., Рыбалко И. В., Перри М. Культ Ивана Грозного в сталинской России // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 172-174.
13. Шалаева Н. В. Репрезентация образа советской власти в массовом сознании общества. 1917-1920-е гг. (Источниковедческий анализ) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 207-211.
14. Шахназаров О. Л. Корни русского социализма // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 36-39.
15. Шенин И. А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930-1950-х годов // Отечественная история. 2001. № 6. С. 97-98.
16. Энтин Дж. Интеллектуальные предпосылки утверждения сталинизма в советской историографии // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 151-155.

MODERN HISTORIOGRAPHY ON CONDITION OF DOMESTIC HISTORY WRITING IN CONTEXT OF THE SOVIET SOCIETY DEVELOPMENT IN THE 1920-1930S

Nozhkina Irina Aleksandrovna, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Shalaeva Svetlana Stanislavovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov
nirina2007@mail.ru; clar13@yandex.ru

In the article the authors analyze in the context of modern historiography notions how the processes of the disintellectualization of historical science and its change to an ideological tool of the ruling regime occurred in the soviet country against the background of the revolutionary transformations of all spheres of life in the period of the 1920-1930s. The goal of modern historical science is not in the revolution criticism but it is in the comprehension of its sense and causal conditionality.

Key words and phrases: historiography; history writing; revolution; ideology; totalitarian regime; Marxist approach; great-power character and patriotism; administrative pragmatism.

УДК 778.5

Искусствоведение

Статья раскрывает особенности сюжетного моделирования исторической реальности в историческом фильме на современном этапе развития кинематографа. Автор рассматривает ситуацию вытеснения исторического конфликта из сюжета исторического фильма и анализирует изменения драматургической конструкции фильма: особенности выбора персонажа, места действия, событий. В статье делается вывод о кризисе исторического сознания, отраженного в драматургии исторического фильма.

Ключевые слова и фразы: сюжет; историческая реальность; конфликт; историческое сознание; исторический фильм.

Овсянникова Татьяна Леонидовна

Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, г. Москва
ows12@mail.ru

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА НА ЭКРАНЕ: ВЫТЕСНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА ИЗ СЮЖЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО ФИЛЬМА[©]

Великая Отечественная война, к событиям которой обращается кинематограф, является источником и поводом для размышлений и авторов фильмов, и зрителей над вопросами бытия. Прошлое, настоящее и будущее, по представлению историка М. А. Барга, как форма общественного сознания являются единым целым исторического сознания – основы культуры [2, с. 49]. Влияние исторического фильма на формирование исторического сознания народа является весьма значительным.

Переосмысление истории, характерное для современных культурно-исторических условий, отсутствие определенности в оценке исторических событий и коллизий вызвали в обществе кризис исторического сознания. Авторы кинокартин, в поиске актуального звучания исторической темы, стремятся отразить новый взгляд на войну.

[©] Овсянникова Т. Л., 2014